

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОСТРОЕНИЯ ХРИСТИАНСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. СЛОБОДЧИКОВ*

В статье обсуждается вопрос об основах интеграции знаний о человеке в научной психологии и православном богословии. Актуальность подобной постановки проблемы связана с нарастающим масштабом цивилизационного кризиса, в основе которого – кризис европейской рационалистической и секулярной модели человека как естественно-природного существа. Рассматривается «третий путь» – гуманитарно-антропологический подход (парадигма) в сфере человекознания – как основание и способ выявления и создания условий становления «собственно человеческого в человеке» во всех его духовно-душевно-телесных измерениях.

Вначале короткая жизненная зарисовка. Однажды во время беседы с о. Леонидом в Томской духовной семинарии я услышал от него четкое позиционное утверждение, что психология – как наука о душе – в принципе невозможна. В лучшем (то есть в худшем для психологии) случае, она возможна лишь как **утонченная технология незаконного и разрушительного вмешательства в душевную жизнь** другого человека. Науки о природе, говорил о. Леонид, вполне законны и возможны, так как Господь весь сотворенный земной мир передал Адаму в веденье и управление, а потому природу, тело человека необходимо познавать; но душу человеческую, Им сотворенную, в такое веденье Он не передавал.

С этой точки зрения марксистская психология была удивительно последовательна, она точно отвечала строгим критериям о. Леонида: душой не занималась, а занималась только психикой как функцией телесности, как свойством высокоорганизованной материи – мозга. Мне эта ситуация напомнила старый студенческий анекдот, в котором пожилому профессору, много лет читавшему историю Древней Греции, один балбес-студент однажды заявил, что никакой Древней Греции и в природе не было. Профессор, изумленно-возмущенный, вскричал: «Как же так, я же всю жизнь читал вам историю Древней Греции! А вы говорите, что ее не было. А как же мои лекции?» Вот так и мы – всю жизнь занимаемся научной психологией, а науки такой не может быть. Шутки шутками, а вопрос очень не простой.

Поэтому последующий текст я хотел бы построить, если получится, как относительно развернутый ответ о. Леониду, самому себе и всем нам на этот фундаментальный вопрос: возможен ли и существует ли **путь интеграции научной психологии и православного богословия, и если – да, то**

* *Слободчиков Виктор Иванович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, директор Института развития дошкольного образования РАО.*

в чем он может состоять, а если – нет, то почему? По сути, это вопрос и о самой возможности **христиански ориентированной психологии**.

Определим вначале то смысловое поле, в котором продуктивно вести речь о путях такой интеграции; это поле легко представить в виде двух пересекающихся прямых, задающих полюса напряжения. Первая разметка – это вертикаль, в верхней точке которой, несомненно, должна быть **христианская антропология**, как предельное откровение о сущности человека. Нижняя точка этой вертикали – по логике должна быть психология, но какая? Я считаю, что в этой точке должна быть **психологическая антропология**, прежде всего как психологическое учение о развитии человека во всех его духовно-душевно-телесных ипостасях.

Почему именно антропология, а, скажем, не просто православное богословие в той его части, которая связана с учением о душе, и современная общая психология? Об этом чуть позже, отметим лишь, что термин «антропология» употребляется здесь в своем предельном значении, как **учение о человеке вообще**, а не в узком – как одна из биологических дисциплин, как наука о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас.

Вторая разметка – это горизонталь, в левой стороне которой необходимо положить **ценности и смыслы бытия человека**, как они представлены во всем комплексе гуманитарного знания, в том числе и богословского. В правой стороне, так же по логике рассуждения, нужно положить такое содержание, как **ступени становления «собственно человеческого в человеке»**, как они должны быть представлены в нормативной периодизации психологии развития человека.

Именно в точке пересечения этих двух образующих может быть фиксирована (или – синтезирована) **христианская психология**. Понятно, что масштаб освоения и тщательность предметной проработки так заданного пространства как раз и является одним из вопросов нашего обсуждения.

В настоящее время все еще можно наблюдать взаимно настороженные отношения между научной психологией и православным богословием (именно богословием, а не практикой живой веры), и для этого существуют серьезные основания. Некоторые из них располагаются в самой современной психологии, в ее несомненных достижениях и открытиях в сфере человеческой психики, на которых во многом строятся сегодня социальная магия и чародейство. Другие основания обнаруживают себя в системе светских гуманитарных наук вообще, в секулярной культуре европейской цивилизации.

Процессы глобализации и идеология постмодернизма – эти две болевые точки современного мира – сегодня очевидным образом привели к цивилизационному кризису уже не только европейского, но и планетарного масштаба. Происходит унификация социально-политических структур, разрушение форм культурной, исторической, духовной идентификации человека, размывание всяких мировоззренческих основ самоопределения человека

при уповании на обнаружение таких основ в собственной самости, вырождение того или иного народа в этнографическую массу. Все это лишь отдельные метки разворачивающегося кризиса, список их может продолжить каждый.

Однако при более пристальном рассмотрении горизонта кризисного процесса можно прийти к выводу, что глубинный, порождающий план кризиса – это **сам человек!** А значит, в самом существе кризисной эпохи ведущей стороной оказывается именно **антропологический кризис**. Сегодня совершается своеобразный антропологический поворот: все происходящее с человеком приобретает решающую роль в бытии общества и культуры, в глобальной динамике современного мира.

Не претендуя на полноту раскрытия этой сложнейшей темы, отмечу лишь одно обстоятельство, имеющее принципиальное значение в рамках нашего разговора. Ряд футурологов указывают на кардинальную смену **оснований власти**: переход от власти насилия и богатства к власти **знания**. Не буду обсуждать смену формулы «кто управляет финансами, тот управляет миром» (Дж. Сорос) на современную формулу «кто управляет информационными потоками, тот властвует над миром». Остановлюсь на резкой смене самого статуса знания и последствий этого для антропологического уровня реальности.

Данную смену можно обозначить довольно распространенной постмодернистской формулой: это – **смерть субъекта**, которая означает исчезновение такой метафизической инстанции в человеке как **субъект познания**, который господствовал в классической европейской философии от Декарта до Гегеля. Смерть субъекта познания повлекла за собой целую цепь смертей: на рубеже XX столетия было объявлено – «Бог умер!», а последующий столетний период расчеловечивания человека привел к печальной констатации, что и «Человек умер!», по крайней мере, **в европейском варианте модели человека**. Появился фрейдистский человек, скиннеровский крысopodobный человек, репертуарно-ролевой человек и множество других его фантомных моделей.

Сегодня философско-метафизическая мысль и само общество продолжают, подобно Диогену, пребывать в поиске человека. И не мудрено.

В до сих пор существующей «субъект-объектной» структуре сознания рационализма Нового и Новейшего Времени человек всегда представал в качестве отдельного, чаще всего – изолированного **индивида**. Этот живой атом в процессах социализации как раз и становился по отдельности то **субъектом познания**, то **субъектом действия**, то **субъектом социальных отношений**, оставаясь при этом психологически отдельной **особью**. Несомненно, что именно такой человек-особь, жестко специализированный форматами наличной цивилизации, если еще натурально и не умер, то поставлен под большое сомнение в полноте своего бытия.

Сомнение в жизнеспособности современного европейского человека связано, прежде всего, с формами и содержанием его **знания о собственной**

самости, которое как раз и задано характером рационального, естественно-научного знания о мире и о человеке в нем. Это знание в позитивных науках всегда субъект-объектно, оно неспособно хоть как-то приблизиться, а тем более – удержать полноту человеческой реальности. На этом же типе знания основаны и многочисленные варианты гуманитарных практик (образование, медицина, политика, практическая психология и др.).

И здесь необходимо сделать одно принципиально позиционное утверждение: всякая практика может считаться гуманитарной, если она является **практикой становления именно «человеческого в человеке»**. И наоборот – любая практика не гуманитарна (и не гуманна), если она этого не делает, в какие бы человекообразные формы она не рядилась. Что же мы имеем сегодня в качестве таких практик, с точки зрения современной научной, рациональной психологии?

Наше время – это время многообразных **психотерапий**, форм **альтернативной медицины**, **психо-социальных** техник убаюкивающего примирения человека с самим собой, с обстоятельствами наличной жизни. Уже сложились и активно транслируются средствами массовой информации особые технологии освобождения человека от ответственности перед собой и Абсолютными смыслами его бытия.

Так, **психотехнические средства**, имеющие широкое хождение в нашей действительности, *реализуются в пространстве индивидуального сознания* и являются следствием несомненных достижений классической научной психологии. Строгое научное знание о глубинных психических явлениях и состояниях человека оказалось замечательным средством внешнего программирования и духовного кодирования личности. На базе этих знаний уже разработаны способы **оккупации сознания другого и сценирования чужой жизни** в собственных целях (достаточно вспомнить рекламные ролики, 25-й кадр, гипноз, техники работы многочисленных колдунов и гадалок и др.).

К разряду психотехнических средств, несомненно, относятся разного рода суггестии и способы «промывки мозгов». Распредмечивание и протезирование сознания, софистика и демагогия, целевые фрустрации и магическое вменение веры, психологическая дрессура под видом психотренингов – также входят в этот арсенал. Список можно продолжить, но главное, что на этом поприще у классической психологии – головокружительные перспективы, и вполне возможно, что XXI век поименуют веком психологическим.

В свою очередь, **социотехнические средства** (или, говоря словами М. К. Мамардашвили, инструменты социальной механики), состав которых ежедневно пополняется, *реализуются в пространстве общественной жизни*; в частности, в дни политических акций – выборов, демонстраций, референдумов – они обычно именуется «грязными политтехнологиями». Главный ориентир подобных технологий – это манипуляция социальными пристрастиями и полевым поведением той или иной группы населения. Результатом оказывается своеобразная анестезия нашей чувствительности к соци-

альным противоречиям, которая обеспечивается переводом ответственного самоопределения личности в пространства приватной жизни – клубные, семейные, бытовые, досуговые.

К разряду социотехнических манипуляций можно отнести пропаганду идеологием на злобу дня (идея должна овладеть массами), блокаду рефлексии по отношению к декларируемым целям и способам их достижения (цель оправдывает средства), сокрытие замысла и двойной стандарт, подмена ценностей и создание ситуаций ложного выбора, одновременное снятие личной ответственности и шантаж функциональными обязанностями и т.п.

Хочу специально подчеркнуть, что жесткая фиксация состава и самой сути психо- и социотехник меньше всего имеет отношение к их моральному осуждению. Сами техники не виноваты, что ориентированы на выявление и превращение только **отдельных, фрагментарных человеческих потенций** в сугубо **полезные ресурсы для их утилизации в том или ином социальном производстве.**

Приходится с грустью заметить, что и в новом тысячелетии мы продолжаем воплощать в себе именно этот – **цивильно-технический, машинно-производственный модус собственной человечности.** Данное суждение оказывается предельно очевидным при сопоставлении господствующей ментальности в нашем обществе с базовыми и не отменимыми ценностями европейской культуры, которые можно выразить афористичной формулой А. С. Пушкина: **«В само-стояньи человека – залог величия его!»**

Самостоятельность, самобытность, самосознание, самодействие (субъектность) человека, его индивидуальность и уникальность, его личностный способ жизни – то есть все то, что обычно и рассматривается в качестве содержания собственно человеческого в человеке – являются фундаментальными ценностями нашей **христианско-европейской, русско-православной культуры.** Именно они определяют содержание и смысл нашего образования, нашей деятельности, наших взаимоотношений и наших Встреч друг с другом. Очевидно, что подобная планка само-бытия человека представляется участнику пост-советской истории либо недостижимой, либо просто **невыносимой.**

Сегодня человеческое измерение, **«человечность»** как особая валентность содержания и способов деятельности самых разных социальных субъектов становится предметом пристального внимания многих ученых, политиков, социальных работников. Уже вполне отчетливо осознается, что **«человеческий потенциал»,** или в другой терминологии – **«гуманитарный капитал» может оказаться потенциально неисчерпаемым ресурсом** культурно-исторического развития общества и личности. Вопрос в том, *как, при каких условиях, за счет чего* возможны консолидация и наращивание мощности, а главное – качества этого самого **«человеческого потенциала»?**

Одним из безусловных вызовов нашего времени является требование прямого и профессионально обеспеченного решения проблемы производства и воспроизводства человечности и человеческого. Я думаю,

что не ошибусь в своем позиционном утверждении, что из всех форм общественной практики именно образование пытается решать эту проблему не утилитарно, а по существу. В подавляющем большинстве современных концепций и программ развития образования появляется принципиально новое измерение – **гуманитарно-антропологическое**. Фактически, речь идет о постановке беспрецедентной задачи для образования: оно должно стать универсальной формой становления и развития базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но, прежде всего – подлинным субъектом культуры и исторического действия.

В гуманитарных науках, хотя и с трудом, но все более укореняется **антропологическая парадигма** – и не только в качестве нового объяснительного принципа «феномена человека». Антропологический подход в сфере гуманитарного знания – это, в первую очередь, ориентация на человеческую реальность во всей ее полноте, во всех ее духовно-душевно-телесных измерениях; это поиск средств и условий становления **полного человека**; человека – как **субъекта** собственной жизни, как **личности** во встрече с Другими, как **индивидуальности** перед лицом Абсолютного бытия.

Сегодня требуется действительно системный пересмотр философских, психологических, социально-педагогических, политико-экономических основ современных гуманитарных практик с точки зрения их подлинно антропологической модальности. Современные психология и педагогика, например, должны перестать **быть пособием** по способам духовного кодирования, техникам социальной дрессуры и манипуляции; они должны становиться в подлинном смысле антропными, человеко-ориентированными науками, способными целенаправленно строить **антропо-практики** – практики действительного выращивания «собственно человеческого в человеке».

Антропо-практики реализуются в пространстве субъективной реальности человека – в пространстве совместно-распределенной деятельности, в пространстве со-бытийной общности, в пространстве рефлексивного сознания. Именно в этом пространстве может происходить осознанное и целенаправленное проектирование таких жизненных ситуаций, в которых становится возможным и подлинно личностное самоопределение, и обретение субъектности, и авторства собственных осмысленных действий. Здесь, в этом пространстве, возможно культивирование автономии и самодетерминации человека, его саморазвития и самообразования, а в пределе – его фактического **самостояния** в собственной жизни.

Сложность построения такой практики, практики становления собственно человеческих способностей, в том, что **весь человек**, во всей потенциальной полноте своего бытия **открыт** только своему **Создателю**, Которого рационализм Нового Времени как раз и выносит за пределы собственно человеческого в человеке. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого обстоятельства, попытаюсь все-таки наметить некоторые пути выхода из антропо-

логического кризиса и некоторые перспективы обретения человеком собственной человечности.

Вначале несколько слов о христианской антропологии. Так, в основе христианской антропологии – как ее центральная идея – лежит **учение об образе Божиим в человеке**. Именно благодаря тому, что человек есть образ и подобие Божие (образ человеку дан, а подобие задано в его свободе и составляет жизненную задачу самого человека), он способен осознавать вечное, бесконечное, непреходящее, духовное и отождествлять себя с ним.

И в тоже время, в своем наличном, эмпирическом бытии – в жизни конкретной земной личности, какова она есть – человек обнаруживает себя как не соответствующего своему Первообразу. Он оказывается неразрывно сплетенным с природным, телесным, ограниченным, временным, смертным; образ Божий в человеке отодвинут в тень неподлинного земного бытия и померк в нем. Это помрачение истинной природы человека называют в христианстве **греховностью**. Грех – это искажение подлинной природы человека, духовная болезнь, присущая всему человеческому роду после грехопадения.

С христианской точки зрения, **становление человека** – это осуществление (восстановление) образа Божия в своей индивидуальной жизни; это преодоление сил греха, отсечение периферии души – часто мрачной, пошлой и неприемлемой, ставшей по сути «плотью». Есть серьезные основания полагать, что классическая психология как раз и занимается изучением этой «периферии души», психикой падшего человека, этой «плотью», которую она именуется «психикой».

Однако христианская антропология – это не только учение об образе Божиим в человеке, но в наибольшей степени – это **живая практика веры**, практика преображения падшего человека, практика обретения своего царственного достоинства, дарованного человеку в сознании его Богосыновства. Истинный человек – это святой человек (известный психолог А. Маслоу сказал однажды, что сообщество святых людей – это и есть подлинное человечество), процесс же его становления, охватывающий весь состав человека – его дух, душу и тело – есть **обожение** (теосис), восстановление и обретение образа и подобия Божия.

Таким образом, живая практика веры в триединого Бога, молитвенный подвиг как деятельность спасения к вечной жизни со Христом, обожение всей полноты индивидуальной жизни – или, как предельно полно сказал об этом ап. Павел: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20) – все это в христианской антропологии есть символы и деятельные формы становления и развития «собственно человеческого в человеке». В этом – суть, смысл, ценность и назначение человека.

Именно на высоте такого понимания человеческой реальности возникает, а если не возникает, то должен быть поставлен самый главный вопрос: как возможно подобное становление человека, на что опереться человеку, ему

самому в себе самом, чтобы встать на этот путь жизни во Христе? И что об этом может сказать современная психологическая наука?

Сложность этого вопроса заключается в том, что его невозможно обсуждать в рамках традиционных форм гуманитарной науки, которая до сих пор строится по модели естественно-научных дисциплин. Так, например, в классической психологии, почти все – **о психике** человека и очень мало – **о самом человеке!** В контексте данного обсуждения нас должна интересовать, прежде всего, **психология человека**, а не что такое «психика». Речь должна идти о принципиальном различии (но не о замещении) «*психологии человека*» – как психологическом учении о становлении и развитии человека в интервале его индивидуальной жизни, и «*психологии психики*» – как специальной науки о психических явлениях в живой природе, в том числе – и у человека.

В целом ряде современных научных исследований (в частности – в работах А. И. Миракяна и его последователей) достаточно убедительно показано, что изначально, в самом своем существе, «**психическое**» есть всего лишь один из общих – естественных, органических процессов в живой природе. И с этой точки зрения психика человека и психика животного, в определенной степени, могут рассматриваться в одном смысловом ряду.

И в самом деле, с классической, научно-рациональной точки зрения, психика – **это инструмент, механизм**, во-первых, *отражения* объективной, противостоящей человеку и независимой от него действительности, а во-вторых, это механизм *адаптации* индивида к этому же объективному миру. Классическая естественно-научная психология – это вовсе не учение о душе и душевных явлениях (и не надо строить иллюзий на этот счет), это – учение о психике как свойстве высокоорганизованной телесности, в частности – мозга. Все другие характеристики психики человека (личностные, духовные, нравственные и др.) **не выводимы** из ее отражательных и адаптивных функций; относительно последних эти характеристики имеют **сверхъестественный** статус. Психика не имеет личности и сама себя не развивает.

Но все-таки, если стать на точку зрения классической психологии, что психика – это свойство биосоциальной структуры человека, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство, необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего психика является. И здесь выбор жесткий: **либо психика – свойство высокоорганизованной материи, либо – свойство человека**. Во втором случае психология должна строиться как *психологическая антропология*, способная выстроить **свое представление о сущности человека**, чтобы мочь что-то сказать о его свойствах, в том числе и о его психических свойствах.

Психологическая антропология как учение о человеке – это особая **антропная наука** (в рамках наук о человеке). Это не теория о его происхождении от обезьяны и не теория его социальной дрессуры, и, в этом смысле, это не биологическая и не социальная, а именно гуманитарная дисциплина. Эта наука должна разрабатывать свое собственное представление о сугубой

специфике человеческого способа жизни и его принципиального отличия от всякого другого – до-человеческого и **сверх-**человеческого.

И главная трудность для нашего «просвещенного разума» – именно здесь: она заключается в том, что психологическая антропология должна быть не о том, **что есть**, как любая наука о природе, а о том – **как должно** (или – может) **быть**. Иными словами, исходным основанием для нее является учение не об истинности и объективности того, что есть, а **о ценности и смысле самого бытия человека**. Отсюда и первый вывод: **гуманитарные (человеко-ориентированные, антропные) науки должны строиться, в первую очередь, на аксиологических (ценностных) основаниях**.

В истории психологии делались и до сего дня делаются попытки вырваться из узких пределов категории «психического» с помощью категории «человек». Это, прежде всего, работы в русле гуманистической психологии и экзистенциальной философии. Но даже в высших разделах психологического знания – в философской психологии – человек продолжал оставаться биосоциальным, раздробленным существом, а **не духовно-душевно-телесной монадой**.

К сожалению, большинство этих попыток объединяет «безрелигиозный гуманизм», тяготеющий к *антропоцентризму*, самобожеству – вплоть до самоистуканства.

Еще одна линия преодоления естественно-научной парадигмы в психологии – это восточный мистицизм, оккультизм, магия, а с христианской точки зрения – древнее как мир *идолопоклонство*. Эта тенденция – говорить о духовной ипостаси человека с оккультной позиции – сегодня в России набирает все бóльшую силу, что позволяет обозначить нашу эпоху как **неоязычество новейшего времени, которое требует нового благовествования, новой проповеди, нового миссионерства**.

Именно в этой точке принципиально необходимо доброжелательное, уважительное и конструктивное сотрудничество православного богословия и рациональной психологии человека. Существует большая и уже очевидная опасность для современной научной психологии (особенно в ее практической, прикладной части) скатиться на оккультно-магические основания в их предельно рафинированных наукообразных формах. Во всяком случае, достижения современной научной психологии (науки о психике и психологии падшего человека) чрезвычайно эффективно используются в целях оккупации внутреннего мира человека и манипуляции его сознанием и поведением. Особенно интенсивно это происходит в рекламе, бизнесе, политике; менее осознанно, но не менее эффективно – в педагогике, в воспитании и обучении.

Известно мнение, что когда-то наука оказалась для христианства мощным средством освобождения сознания верующих от оккупации их бесчисленными духами и потусторонними силами, от тотальной анимизации природных стихий, от всего того, что современный христианин достаточно свободно называет **суеверием**. Видимо, наступило время, когда теперь уже

православное вероучение должно помочь науке защититься от тех же духов и сил (космических энергий, эманаций, тонких миров) в их квазинаучных, супер-рациональных упаковках, в том числе – и внутри психологии.

Для христиански ориентированной психологии (но также – необходимо это особо подчеркнуть – для практического, **прикладного богословия**) здесь возникает очень сложная проблема: «А на каком языке сегодня можно говорить с неоязычником об истинах и ценностях христианского учения о человеке и его душе?» Очевидно, что ни на традиционно-научном (там все о психике, а не о человеке), ни на заимствованном богословском языке, на котором говорят и должны говорить в Церкви.

Давайте только попробуем сопоставить: психология говорит о вредных привычках, Церковь – о греховных пристрастиях; одна – об аффектах, другая – о страстях; одна – о личности как о биосоциальном системном качестве индивида, другая – о личности как о духовной сущности человека. Даже сама психология, для одной – это учение о психике, а для другой – учение о душе. **Очевидно, что это разные языки, и говорят они о разном.**

Сегодня понятия и представления традиционной психологии (в особенности, зарубежных психологических учений) о человеке и его развитии столь сильно инкорпорированы, растворены в других гуманитарных науках – в педагогике, медицине, политике и даже в вероучительных текстах – что никаким указом, никаким простым переводом эти представления не отменить. Их можно только постепенно и постоянно преобразовывать. Необходимо новое психологическое прочтение богословских понятий о душе и новое христианское прочтение психологических понятий. Это работа **совместная – богословско-психологическая.**

Конечно, для верующего, воцерковленного человека все эти вопросы звучат не столь остро. Но как быть с неоязычниками, которых – большинство? Язычник был глубоко верующим человеком, и поэтому – в большинстве случаев – был открыт для приятия благой вести Христа, **неоязычник – глубоко суеверен**, он не слышит и не услышит благую весть, ему нечем слышать, все «каналы» восприятия уже заполнены, замусорены псевдо-научным (в том числе – и психологическим) суеверием. Мало только обличать грехи человеческие, неоязычнику необходимо показать, а часто – рационально раскрыть, как они овладевают им, каков механизм их укоренения, а соответственно – какова практика, и, в частности, катехизаторская практика их преодоления.

Как Апостол языков святой ап. Павел благовествовал на языке народа, которому он проповедовал, так сегодняшней проповедник должен уметь говорить христианские истины на языке сознания неоязычника. **Но для этого необходимо знать, как оно, это сознание, устроено.** И здесь практическая психология и психологическая практика многое что могут сказать и сделать. Нужен умный, терпеливый и доброжелательный союз научной психологии и православного богословия, сама возможность которого многими священ-

нослужителями, да и «просвещенными психологами» тоже категорически отвергается.

Правда, как уже специально отмечалось выше, не вся психология и не всякий психолог способны на такой союз. Это окажется возможным, если сама психология, в своей определенной части, начнет перестраиваться именно **как психология человека**, как психологическая антропология, как особая антропная наука. Православное вероучение о Боге и человеке, о Богочеловечестве уже существует и не подлежит ревизии. Но и у психологии человека сегодня появился шанс, возможность преобразиться, чтобы стать действительным Собеседником, не двойником, не тенью христианской истины о человеке.

В известной евангельской притче на брачный пир было много званых (званы практически все), но мало оказалось избранных. Божие избранничество к духовной работе – **это тайна**, она за пределами психологических учений и теорий; но и для званых, оставшихся глухими к призыву, не все потеряно. **Вообще – пока человек не умер – с ним еще ничего не решено окончательно.** Вопрос в другом, как разметить, как обозначить путь выхода ко Христу, в том числе и на какие силы опереться в себе самом на этом пути восхождения?

Тезис о главенстве духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии индивидуального духа, о ступенях его раскрытия и воплощения в эмпирической жизни каждого из нас. Именно этот вопрос, на мой взгляд, является центральным для христиански ориентированной психологии, которая, как теперь становится понятным, есть **синтез, взаимовосполнение** (а не взаимоисключение и бесплодный параллелизм) исходных принципов живого знания и христианской, и психологической антропологии.